М. Е. Башлыкова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТРУКТУРЫ ЖИТИЙ СВЯТЫХ В СОСТАВЕ «КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА»

Как отмечалось многими исследователями древнерусской литературы, жития в составе патериков – так называемые патериковые жития – обладают рядом особенностей в литературном построении. К ним в первую очередь относятся подробное повествование о жизни преподобного, начиная с момента его прихода в монастырь (за редкими исключениями, когда предшествующая жизнь подвижника рассматривается как подготовительный этап иночества) и концентрация внимания на тех моментах жизни святого, которые способствовали его духовному возрастанию.

В текстах житий, входящих в состав «Киево-Печерского патерика», прослеживаются определенные закономерности в изображении разных этапов в жизни святых как в сюжетном отношении, так и в отношении литературных средств.

В XIX веке многие исследователи считали, что однотипные характеристики иноческих добродетелей и основных этапов в жизни святых, часто встречающиеся в агиографической литературе, лишь затемняют историческую информацию, содержащуюся в текстах. Однако в XX веке неоднократно отмечалась их принадлежность жанровому канону и необходимость его изучения[1]. Л. А. Ольшевская, в настоящее время являющаяся одним из ведущих исследователей Киево-Печерского патерика, замечает: «Жития, в том числе и патериковые, строились как цепь эпизодов из жизни святого, каждый из которых обычно имел сюжетную завершенность и самостоятельность»[2].

Подробное исследование структуры житий «Киево-Печерского патерика» может способствовать изучению развития агиографического жанра древнерусской литературы, его оригинальных особенностей, а также черт, унаследованных от византийской литературы.

Основными сюжетными моментами в житиях «Патерика» являются следующие: призвание к иночеству и приход в мо-

настырь, просьба о пострижении и само пострижение, подвиги новоначального инока, достижение им духовной зрелости, прохождение через искушения, получение дара чудотворений и совершение чудес, приготовление к кончине, смерть и погребение подвижника. Существуют и другие мотивы и сюжетные линии: проповеди, поучения, обращенные к братии и мирянам, и др. При рассмотрении данных элементов текста житий обнаруживается несомненное сходство, которое позволяет говорить о существовании устойчивых сюжетных, а в некоторых случаях и речевых формул. При этом краткие речевые формулы часто содержат скрытые цитаты из Священного Писания, в других случаях приводятся прямые библейские цитаты и их истолкования.

Изображение в «Киево-Печерском патерике» прихода в монастырь и пострижения характеризуется наличием устойчивой литературной схемы.

Основными элементами повествования являются следующие: особая избранность в детстве или юности (не всегда), наличие в душе страха Божия (как «начала премудрости»)[3] или любви к Богу, избрание монашеской жизни в результате особого услышания евангельского чтения в церкви и соотнесения его со своей жизнью или же в результате размышлений над текстом Священного Писания; раздача имения перед вступлением на избранный путь. Иногда призвание в монастырь истолковывается в контексте последующей подвижнической жизни святого, его происхождения или значения его имени. Важными элементами являются и само выражение желания стать иноком, просьба пришедшего в монастырь о пострижении, первоначальный отказ духовного наставника, его предостережение и последующее согласие, наставление и пострижение.

Приемы разработки всех этих сюжетных элементов исходят из произведений ранней византийской агиографии, к тому времени уже известных на Руси. Сходство с ними иногда очевидно, иногда почти незаметно, и тем не менее, проблема выявления случаев влияния византийских текстов на древнерусские представляется одной из наиболее важных при исследовании отечественной агиографии. В разное время данной проблемой занимались А.А. Шахматов[4], Д.И. Абрамович[5], Л.А. Ольшевская[6], однако проблема формирования в древнерусской агиографии сюжетных и речевых формул ими не затрагивалась.

Среди самых важных в данном контексте византийских образцов, рано переведенных на славянский язык, следует выде-

лить «Скитский патерик»[7], «Лавсаик»[8], «Житие св. Антония Великого»[9], «Житие св. Саввы Освященного»[10] и «Римский патерик»[11].

Текст последней редакции «Киево-Печерского патерика», представленный в его первом печатном издании на церковнославянском языке 1661 года, является отправным пунктом данного рассмотрения, поскольку именно в этой редакции завершается процесс развития текста и, таким образом, – жанрового канона произведения. Случаи расхождения этой Печатной редакции с более ранними (Основной, Арсеньевской, 2-й Кассиановской) отмечаются особо.

В «Киево-Печерском патерике» редакции 1661-го года нередко упоминается о желании человека стать иноком как присущем с детства или юности. Мотивировка при этом может быть различной; так, о прп. Антонии говорится, что он «из млада же име страх Божий и желаше в иноческий облещися образ»[12] (л. 4), о прп. Исайе Чудотворце: «От юны же версты Христа возлюбив и мирская сладострастия оставив, прииде в монастырь Печерский...» (л. 139 об.). В «Житии прп. Нестора» в данной ситуации подчеркивается юность преподобного: «...прииде к ним, желая святаго ангел(ь)скаго иноческаго образа, имый точию седм(ь)надесят(ь) лет от рождения своего» (л. 274 об.)[13].

Самое близкое к приведенным выше повествование находится в «Римском патерике» – в рассказе о св. Гонорате: «С отроческих лет любовь к воздержанию возжгла в нем любовь и к отечеству небесному»[14], подобным образом там рассказывается и о св. Венедикте[15]. Обращает на себя внимание и повествование «Лавсаика» о св. Евлогии: «...подвигнутый любовию к Богу и возжелав бессмертия, он отрекся от шума мирского...»[16].

Та же мотивация избрания иноческой жизни присутствует в изображениях в «Киево-Печерском патерике» прихода в монастырь взрослого человека. Так, мотив «любви Божией» в «Житии прп. Антония» звучит в сочетании с важнейшим, сквозным для всей агиографической литературы мотивом подражания жизни подвижников, который представлен в рассматриваемом случае в контексте усиления желания стать иноком: «И паче любовию Христовою разжегся, желая тех отец житию поревновати...» (л. 4).

Мотив «страха Божия» как «начала премудрости»[17] присутствует в «Житии прп. Спиридона Просфорника»: он приходит в монастырь, «...страх Божий, иже есть начало премудрости, в сердце своем имый...» (л. 230).

Более психологически разработанным является изображение призвания в монастырь евангельским речением. Содержание его состоит в том, что человек в определенный момент своей жизни по-особому слышит и понимает евангельский текст, воспринимает его как относящийся лично к нему и отвечает на него, совершая определенный поступок, в данном случае – уходя из мира в монастырь.

Первый подобный случай мы находим в «Житии прп. Феодосия Печерского». Цитируемые фрагменты евангельского текста наилучшим образом характеризуют непростую ситуацию, в которой находился юноша Феодосий, мучимый противоречием между жалостью к матери и стремлением к аскетической духовной жизни: «...слыша в Евангелии Господа глаголюща: Иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин. И паки: Мати Моя и братия Мои сии суть, слышащии Слово Божие и творящие е. К сим же и сие: Приидете ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз покою вы. Возмете иго Мое на себе, и научитеся от Мене, яко кроток Есм(ь) и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Сими убо словесы разжегся Богодухновенный Феодосий, и горя рвением Б(о)жиим, мысляше по вся дни и на всяк час, како и где бы возмогл утаитися матере своея и пострыщися в святый иноческий образ...» (л. 48 об.; Мф. 10:37, Лк. 8:21, Мф. 11:28–29). По выражению В. Н. Топорова, прп. Феодосий нашел в этих словах «два ответа на свою личную жизненную ситуацию»[18]. Эти слова исследователя в первую очередь относятся к более ранним редакциям «Киево-Печерского патерика», например Арсеньевской, где присутствуют только два евангельских фрагмента[19].

С такой же трактовкой ситуации мы встречаемся и в «Житии прп. Варлаама», сына приближенного к князю боярина: «Устраши бо его слово Господне, между иными глаголанное ими: Яко удобее есть велбуду сквозе иглино ухо пройти, неже богату в Царствие Божие внити» (л. 132; Мф. 19:24).

Подобный же момент особого «слышания», вызывающего «делание», встречается и в Житии прп. Феодора: «Блаженный Феодор имеяше в житии мирском имение много. Слыша же во Евангелии Господа рекша: Всяк от вас, иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик. И сему словеси последова...» (л. 213 об.; Лк. 14:33).

В древних памятниках встречается несколько похожих ситуаций, которые, по-видимому, следует считать смысловыми прообразами рассматриваемых текстов. Во-первых, это текст

«Жития св. Антония Великого» (оно является одним из самых близких к «Житию прп. Феодосия Печерского» агиографических произведений). О призвании святого здесь говорится так: «...входит он в храм; в чтенном тогда Евангелии слышит он слова Господа к богатому: аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след Мене, и имети имаши сокровище на небеси (Матф. 19:21). Антоний, приняв это за напоминание свыше, так, как бы для него собственно было это чтение, выходит немедленно из храма, и что имел во владении от предков... дарит жителям своей веси.., а все прочее движимое имущество продает, и собрав довольно денег, раздает их нищим, оставив несколько для сестры. ...Но как скоро, вошедши опять в храм, услышал, что Господь говорит в Евангелии: не пецытеся на утрий (Матф. 6:34); ни на минуту не остается в храме, идет вон и остальное отдает людям недостаточным; сестру, поручив известным ему и верным девственницам, отдает на воспитание в их обитель, а сам перед домом своим начинает наконец упражняться в подвижничестве, внимая себе и пребывая в терпении»[20].

Примечательно, что здесь присутствует более подробное рассмотрение того момента, когда св. Антоний относит услышанный евангельский текст к себе: «...приняв это за напоминание свыше, так, как бы для него собственно было это чтение...»[21].

Непосредственную связь с призванием обнаруживает часто присутствующее упоминание о раздаче имения нищим перед уходом в монастырь. Будучи представлено в «Житии св. Антония Великого» как фрагмент евангельского текста, изменивший всю его жизнь, оно становится устойчивым элементом житий святых в «Киево-Печерском патерике». Во многих случаях, когда речь идет о вступлении на путь иночества как всецелого следования за Христом, приводятся слова Иисуса, обращенные к богатому юноше, содержащие требование раздать свое имение и следовать за Ним: «...Иди, все, что имеешь, продай и отдай нищим, и будешь иметь сокровище на небе; и приходи, следуй за Мною»[22].

Из древних памятников мотив раздачи имения присутствует также в «Лавсаике», в повествовании о св. Евлогии и увечном[23].

В «Киево-Печерском патерике» он прослеживается в житиях прпп. Еразма, Евстратия, Исаакия, причем в последнем случае – в самом кратком варианте: «Таже помысливъ быти

инокъ, раздаде все имение свое требующимъ и монастыремъ; и прииде к преподобному Антонию...» (Исаакий, л. 149).

Еще одним способом изображения призвания к монашеской жизни в «Киево-Печерском патерике» является образное истолкование иночества, зависящее от обстоятельств жизни в момент призвания или последующего подвига святого.

После рассказа о пострижении в иночество прпп. Варлаама и Ефрема, первый из которых был сыном княжеского дружинника и сам, вероятно, служил князю, а второй был княжеским евнухом, пользовавшимся его безграничным доверием в управлении, в «Киево-Печерском патерике» описывается разговор разгневанного князя с прп. Никоном, осуществившим пострижение. Этот разговор построен на противопоставлении служения Небесному Владыке служению князю – владыке земному, первое из которых признается несравненно более важным[24].

В изображении пострижения в монашество прп. Алимпия, который был до этого учеником греческих мастеров – иконописцев, работавших в Печерском монастыре, используются мотивы эстетики аскетизма. Так, в связи с ситуацией пострижения здесь говорится об украшении добродетелями: «Скончавшим убо дело свое иконописцем, и украсившим образы написаными святую церковь, украшен бысть Алимпий добродетел(ь)ным образом святаго ангел(ь)скаго иноческаго чина от преподобнаго игумена Никона»[25] (л. 161 об.). Однако это уже более позднее явление, поскольку в Основной, а также во 2-й Кассиановской редакции о пострижении святого говорится кратко, с указанием, при каком игумене это произошло[26].

Однако классический вид мотив украшения имеет в контексте описания добродетелей подвижника, а не его пострижения, например в «Житии прп. Феодосия», где о святом говорится, что он был «измлада житиемъ чистым и равноангельными делы украшен» (л. 43 об.).

Приход прп. Агапита в Печерский монастырь изображается с помощью определения иночества как душевного исцеления, несомненно, зависящего от дара исцелений, который получил впоследствии святой. Мотив подражания наставнику находит свое выражение здесь в указании на момент прихода в монастырь – во время подвижнической жизни там прп. Антония – и оказывается логически связан с описываемым в дальнейшем даром исцеления: «Егда прославлен бысть преподобный отец наш Антоний Печерский исцеления даровани-

ем, прииде к нему от Киева в Пещеру блаженный сей Агапит, желая душевнаго исцеления чрез пострыжение в святый иноческий чин, еже и получи» (л. 168 об.). Однако мотив подражания здесь звучит гораздо слабее, чем в Основной редакции, где о пострижении упоминается очень кратко, а центральным является мотив подражания наставнику – прп. Антонию и «самовидчества» его подвигов[27].

Мотив подражания играет важную роль и в тексте поздней Печатной редакции, так, например, в «Житии прп. Никона» говорится о многих людях, приходивших в пещеру к подвижникам, «равноангельному техъ житию хотяще быти сообразны» (л. 126 об.). Текст Арсеньевской редакции в этом случае дает более нейтральный, хотя также устойчивый (в описаниях общения подвижников с мирянами) вариант: «многимъ приходящимъ в пещеру благословенья ради»[28].

Приход в монастырь прп. Григория Чудотворца трактуется как избрание его Богом для совершения чудотворений, по примеру прпп. Антония и Феодосия: «Дивен Бог, егда показася в святых Своих, Антонии и Феодосии Печерских, сияющих различными чудесы. В то же время и Григория преподобнаго на чудотворение избра, и в Лавру Свою святую туюжде призва» (л. 173 об.). Краткая цитата из Священного Писания присутствует здесь в скрытом виде[29]. Ничего подобного нет в Основной редакции, где говорится только о приходе святого в монастырь, к прп. Феодосию, от которого он «научен бысть житию чрнеческому: нестяжанию, и смерению, и послушанию»[30].

Житие прп. Евстратия, претерпевшего мученическую смерть на кресте, строится на образе Христова воина, который, в свою очередь, зависит от значения его имени (греч.: «хороший воин»). Этот прием совершенно отсутствует в Основной редакции[31], где святой именутся «некто... из Кыева»[32]. Для развития образа используются скрытая частичная цитата из 2-го Послания к Тимофею и аллюзия на фрагмент Послания к Ефесянам св. апостола Павла, в своем первоначальном контексте также связанный с воинской темой: прп. Евстратий становится иноком, «Вожделев же облещися во оружия Божия[33], яже содержит иноческий образ, и ведый, яко никтоже воин бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет[34]...» (л. 234).

Несмотря на то что подобное образное истолкование имени является позднейшим в Киево-Печерском патерике, ему можно найти аналогии и в ранней византийской агиографии[35].

В патериковых житиях иноки часто называются «воинами Христовыми»; этот образ имеет обширные корни в византийской агиографии, а в «Киево-Печерском патерике» особое звучание он приобретает в «Житиях затворников».

Просьба о пострижении, обращенная к игумену, обычно бывает выражена кратко («и моли старца»), но иногда содержит развернутое исповедание желания стать монахом. В «Житии прп. Антония» мы встречаем образец краткого описания данной ситуации: «...прииде в един от сущих тамо монастырей, и моли игумена, да возложит нань ангел(ь)ский образ иноческаго чина...» (л. 4). В просьбе прп. Антония содержится образное определение иночества как «ангельского чина», которое (в разных вариантах) часто употребляется в «Патерике», в том числе в ситуации прихода в монастырь.

Этот образ присутствует и в «Римском патерике», в рассказе «О девице-инокине, словом освободившей человека от злого духа»[36].

В житиях прпп. Феодосия, Варлаама, Исаакия, Пимена (его «моление» обращено к родителям) просьба о пострижении представлена в классическом кратком виде, свойственном и Основной редакции.

В просьбе о пострижении в «Патерике» несколько раз встречается фраза «аще Богу угодно» (вариант: «Богу изволившу»), – в житиях прп. Варлаама[37], прп. Моисея Угрина[38]. Эта фраза употребляется также в рассказе о матери прп. Феодосия, которая в результате многочисленных бесед с сыном сама приняла решение уйти в монашество: «...мати его рече: "се чадо, вся глаголанная ми тобою сотворю и ктому не возвращюся въ градъ свой, но (тако Богу благоволящу), иду в монастырь женский, и в нем пострыгшися, пребуду прочая дни моя"» (л. 52). (В приведенном выше фрагменте следует отметить также наличие фразы, которая служит в «Киево-Печерском патерике» для выражения идеала взаимоотношений между духовным наставником и учеником: «вся глаголанная ми тобою сотворю».) Из перечисленных выше случаев употребления вариантов фразы «аще Богу угодно» два имеют аналогию в текстах ранних редакций[39], один (в «Житии прп. Моисея Угрина») представляет собой позднейшее добавление.

В контексте просьбы о пострижении в «Киево-Печерском патерике» появляется еще одно определение иночества – «работа Господу». Оно встречается в «Житии прп. Агапита» – в повествовании о враче – «Арменине»[40], в житиях прп. Моисея[41]

и прп. Николы Святоши (как повеление его слуге – врачу Петру)[42]; и во всех этих случаях оно отсутствует в текстах Основной, Арсеньевской и 2-й Кассиановской редакций, являясь, таким образом, позднейшим добавлением.

Следующим элементом схемы изображения прихода в монастырь в «Киево-Печерском патерике» является **предостережение старца** в ответ на просьбу о пострижении. Этот элемент имеет важное значение как испытание серьезности желания пришедшего стать иноком.

Впервые этот мотив встречается в «Житии прп. Феодосия», и здесь автор считает необходимым отметить, что первоначальный отказ старца являлся не простым испытанием, а пророчеством о будущем расширении монастыря: «Преподобный же Антоний рече к нему: О чадо, видиши пещеру сию скорбну сущу и тесну, ты же не имаши терпети тесноты на месте сем. Се же не тако искушая его глагола, якоже пророчески прозря, яко той имяше распространити место то, и монастырь славен сотворити на собрание множеству инок» (л. 49 – 49 об.). Последняя фраза авторского комментария: «не тако искушая его глагола» – выявляет подразумеваемое здесь обычное истолкование слов старца и тем самым подчеркивает типичность данного элемента описания ситуации.

Развернутое изложение предостережения старца мы встречаем и в «Житии прп. Варлаама»[43]. В описании реакции прп. Варлаама использован привычный в разговоре о желании стать иноком образ «любви Божией»: «Сему же сердце распаляшеся паче любовию Божиею, и тако отъиде в домъ свой» (Варлаам, л. 132 – 132 об.). В словах прп. Антония, обращенных к прп. Варлааму, звучит прямая цитата из «Чина пострижения в мантию»: «...Виждь, чадо, Кому обещаешися и Чий воин хощеши быти. Се бо невидимо предстоят ангели Божии, приемлюще обещания твоя...»[44] (л. 132 об. – 133).

Ситуация предостережения находит многочисленные аналогии в произведениях византийской агиографии. Так, например, в «Скитском патерике» авва Макарий кратко отвечает на просьбу двух пришедших к нему богатых юношей: «Вы не можете жить здесь»[45]. В «Лавсаике» рассказывается о том, как авва Эллин отговаривал брата, пришедшего жить к нему в пустыню, говоря, что тот не перенесет демонских искушений[46]. Преподобного Антония Великого первоначально отказывается принять к себе известный ему подвижник: «...старец отказался и по летам, и по непривычке к пустынной жизни...»[47]. Однако толь-

ко в последнем рассмотренном случае отказ был окончательным; типичным было другое развитие ситуации: пришедший к подвижнику уговаривал принять его к себе, и тот соглашался.

В «Житии прп. Феодосия» приводятся слова будущего святого в ответ на предостережение прп. Антония, отказывавшегося принять его: «...Промысленникъ всяческихъ Христосъ Богъ, приведе мя ко твоей святыни, спасти ми ся тобою произволя. Темже елико ми велиши творити, сотворю...» (Феодосий, л. 49 об.)[48]. Этот текст обнаруживает ближайший литературный образец для автора жития святого, прп. Нестора Летописца: это «Житие прп. Саввы Освященного». В нем содержится практически полное собрание литературных формул и приемов описания данной ситуации, которые встречаются в «Киево-Печерском патерике»: св. Савва «...в субботний же день увидел Великого Евфимия, идущего в церковь, и со слезами просил причислить его к находящимся под его присмотром братиям. Но Великий Евфимий отговаривал его. Он сказал: "Сын мой! Я думаю, что не подобает тебе, столь молодому, оставаться в Лавре, да и Лавре нет никакой пользы иметь у себя юношу. Пойди к авве Феоктисту в обитель, лежащую ниже, там ты получишь для себя великую пользу". На это блаженный Савва отвечал: "Честной отче! Я знаю, что промышляющий о всех Бог, желая моего спасения, Сам показал мне путь прийти под святые руки твои. / Итак, я сделаю, как ты мне приказываешь". Тогда Великий Евфимий уведомил блаженного Феоктиста, чтобы тот имел попечение о Савве, поскольку благодатию Христовой он должен был прославиться в монашеской жизни. Это, мне кажется, Великий Евфимий сделал не просто так, а по прозорливости. Он предвидел, что Савва будет архимандритом всех палестинских отшельников, что, кроме того, он устроит великую и славную Лавру, которая будет превосходнее всех палестинских Лавр...»[49].

В этом отрывке есть все перечисленное выше: просьба «со слезами» («моление»), указание старца на молодость пришедшего, ответ, апеллирующий к Божией воле и спасению, практически повторяемый в «Житии прп. Феодосия», мотивы полного послушания старцу («я сделаю, как ты мне приказываешь»), воли Божией в избрании иноческого пути («благодатию Христовой»), прозорливости и предвидения. Однако многие краткие литературные формулы в житиях киево-печерских святых, имеющие свой источник в византийских житиях, оторвались от первоначального контекста, стали совершенно самостоятельными – не только в рассматриваемой ситуации

хода в монастырь, но вышли и за ее пределы, а некоторые даже несколько изменили свое значение. В данном случае это касается выражения «я сделаю, как ты мне приказываешь» (в славянском варианте – «елико ми велиши творити, сотворю»), за которыми в «Житии прп. Саввы» следует его согласие на повеление св. Евфимия Великого идти в обитель аввы Феоктиста, а в «Житии прп. Феодосия Печерского», благодаря тому, что прп. Антоний соглашается принять его, эти слова приобретают в своем значении оттенок усиленной просьбы.

Мотив **прозрения «будущих добродетелей»** часто сопутствует в «Киево-Печерском патерике» согласию старца на принятие человека в монашескую общину и даже является аргументом в пользу него. Затем следуют **наставление и повеление постричь**, эти два элемента ситуации могут меняться местами. Классическое краткое описание этой ситуации содержится в «Житии прп. Антония»: «Игумен же, прозря хотящая в нем быти добродетели, послушав пострыже, и наказав, научи его иноческаго совершеннаго жития» (л. 4 – 4 об.).

Варианты этой ситуационной формулы встречаются в житиях прпп. Исайи и Исаакия[50]. Подобно предыдущему примеру, они принадлежат к позднейшим добавлениям в текст «Патерика»[51].

Поучение является важным элементом описания пострижения. В целом содержание поучения перед постригом сводится к наставлению в иноческих добродетелях.

В «Житии прп. Антония» затрагивается мотив подражания, он выступает в качестве темы поучения: святой наставляет пришедших, «<u>како имут последовати Христу</u>» (л. 7 об.). Преподобного Ефрема прп. Антоний поучает «<u>о спасении души</u>» (л. 136 об.); близкое выражение: поучение «<u>о пользе души</u>», частое в описании поучений духовных наставников, употребляется в рассказе о пострижении матери прп. Феодосия (л. 52).

Образные описания поучений свойственны, как правило, поздним редакциям. В «Житии прп. Агапита», в повествовании о пострижении врача – «Арменина» – используется обусловленный всем содержанием жития образ «врачевания» в контексте подражания святому: игумен постригает пришедшего, «наказав довольно... яко да будет искусен во врачевании души своея, последуя блаженному Агапиту» (л. 172 об.)[52].

Содержание поучения при пострижении прп. Моисея сводится к одной добродетели – целомудрию («чистоте»), в согласии с основным содержанием его мученической жизни в пле-

ну: «...и облече его въ святый ангельский иноческий образъ; поучи же того много о чистоте, сже не предати плещий своихъ врагу, и тоя скверныя жены не убоятися, и тако отъиде» (Моисей, л. 192). Следует отметить включение в текст (начиная со 2-й Кассиановской редакции)[53] литературной формулы «не предати плещий своихъ врагу», в большей степени свойственной произведениям жанра воинских повестей.

В Печатной редакции «Патерика» 1661-го года элемент поучения – хотя бы только упоминания о нем – становится обязательным; он включается в жития прпп. Антония («наказавъ научи его иноческаго съвершеннаго жития», л. 4 – 4 об.), Никона («поучаше их и пострызаше», л. 128 об.), а также встречается в рассказе о принятии прп. Антонием приходящих к нему, в «Житии прп. Никона» («поучаше ихъ о добродетелехъ», л. 126 об., Ж. Никона), в «Житии прп. Агапита», в рассказе о пострижении врача – «Арменина» («наказавъ довольне», л. 172 об.)[54].

Само **пострижение** часто изображается в Патерике кратко: как исполнение игуменом просьбы пришедшего. Пример этому находится в «Житии прп. Исаакия»: «Преподобный же Антоний... моление его исполни» (л. 149). В Основной редакции используется образное определение пострижения как возложение на человека монашеской одежды: «И приятъ и Антоний, возложи на нь черническиа порты...»[55]. Так же изображается в Арсеньевской редакции пострижение матери прп. Феодосия («и ту постриженьи быти, въ // мнижьскую одежю облечена»)[56], в отличие от текста Печатной редакции, где все ограничивается констатацией: «пострижена бысть» (л. 52).

Приведенное выше выражение несколько раз используется (вслед за текстами ранних редакций) и в поздней Печатной редакции, например в «Житии прп. Феодосия»: «аки незлобиваго агнца блаженнаго Феодосия[57] поим, по обычаю святых отец пострыже, и во иноческую одежду облече...» (л. 49 об.; о прп. Никоне). Здесь сохраняется присутствующее в ранних редакциях выражение «по обычаю святых отец». Формула облачения в монашескую одежду содержится также в житиях прпп. Варлаама и Ефрема (л. 133, 136 об.).

В Печатной редакции «Патерика» встречаются и краткие указания на пострижение («пострижен бысть», «пострызаше») – в житиях прп. Антония (л. 4 об.), Никона (л. 128 об.), в рассказе о матери прп. Феодосия (л. 52). Эта краткая формула, преобладающая в текстах ранних редакций «Патерика»,

в Печатной редакции часто расширяется путем введения излюбленного образа «святого (ангельского) иноческого чина»; это происходит в житиях прп. Агапита (л. 168 об., л. 17 об. – о враче-«Арменине»), прп. Алимпия (л. 161 об.), прп. Григория (л. 173 об.), прп. Моисея (л. 192), прп. Прохора (л. 200), прп. Нестора (л. 275). При этом нередко дается указание, при каком игумене произошло пострижение, как, например, в «Житии прп. Прохора»[58].

Косвенное описание чина пострижения (в Основной редакции в нем приводились прямые цитаты из него)[59] имеется в «Житии прп. Пимена», где в рассказе о пострижении святого, совершенном ангелами, сочетаются формула облачения в иноческую одежду (в схиму), образное описание иночества в виде «великого ангельского образа», имеющего здесь конкретное значение как обозначение схимы в христианской традиции, а также – сохраненный элемент наречения имени при пострижении, нередко встречающийся в ранних редакциях[60], но лишь однажды в Печатной редакции: «...абие начаша вопросы творити и вся по ряду, яже пишутся въ уставе иноческаго пострыжения. И тако пострыгоша его въ великий ангельский образ, облекши и въ мантию и въ куколь: Пиминном же того нарекоша» (л. 224 об.).

Конкретное значение «великого ангельского образа» (как схимы) присутствует также в Печатной редакции «Жития прп. Иеремии»: «...и прият великий ангельский схимнический образ...» (л. 145 об.).

Еще одним вариантом описания пострижения в «Киево-Печерском патерике» является простое повеление прп. Антония прп. Никону постричь пришедшего. Оно присутствует в житиях первых печерских подвижников: прп. Феодосия, прп. Варлаама и прп. Ефрема (л. 49 об., 133, 136 об.)[61]. Эти тексты, по-видимому, обусловили появление в «Житии прп. Антония», созданном в XVII веке, фрагмента, касающегося принятия в монастырь приходивших к святым отцам: «он же всех любезне принимаше, и... блаженному Никону повелеваше пострыгати» (л. 7 об.). Соответствующая фраза имеется в житии самого прп. Никона (л. 126 об.), вместе с текстом, свидетельствующим о понимании этого действия как особого послушания и даже подвига, описание которого выдержано в соответствующих традициях: «Действоваше же с всяким благопокорением, приемля от дела своего не точию радостная, но терпя и скорбная мужественне, о всем благодаря Бога» (л. 127).

Следует отметить также особый порядок прихода иноков в Киево-Печерский монастырь. Основная его черта – это прием всех приходящих, возведенный в правило прп. Феодосием. Этот порядок подробно описывается в «Житии прп. Феодосия» (л. 55 об. – 56), где он соотносится с принятием Студийского устава и на самом деле является почти точным воспроизведением практики, введенной прп. Саввой Освященным, как о том рассказывается в его житии[62]. В краткой форме упоминание о нем имеется в Печатной редакции в «Житии прп. Антония», о котором говорится, что он «всех любезне приимаше» (л. 7 об.), и в «Житии прп. Никона», которому прп. Антоний повелевал постригать в монахи после поучения всех, «елико бо их прихождаше» (л. 126 об.).

К кратким описаниям прихода в монастырь относится также фраза «бысть инок (черноризец) в монастыре Печерском»[63] (прп. Феодор, л. 213 об.; прп. Евстратий, л. 234), иногда сопровождаемая описанием добродетельного жития: «добре подвизася на добродетель» (л. 213 об.)

Рассматривая изображение призвания к иночеству в «Киево-Печерском патерике», можно заметить, что именно в последней – Печатной – редакции «Патерика» элементы описания этой ситуации становятся обязательной составляющей повествования. Перечисленные выше указания на особую избранность в детстве, совершившийся в душе человека переворот, упоминание о раздаче богатства, просьба о пострижении, первоначальный отказ, наставление и, наконец, пострижение образуют сюжетно завершенное повествование. Можно сказать, что текст «Патерика», начиная с ранних редакций и до последней, стремится к формированию такого повествования об определенном этапе жизни героя. При этом происходит процесс максимального вовлечения в повествование всех возможных вариантов речевых формул (большинство из них является заимствованиями из переводных византийских агиографических произведений), которые встречаются и в более ранних редакциях «Патерика», однако не часто и не обязательно. К ним добавляются многочисленные более поздние выражения, основанные на текстах Священного Писания и текстах византийской агиографии и зачастую имеющие значение речевых формул. Уменьшается количество кратких речевых формул, при этом они нередко расширяются или заменяются символическими определениями. В некоторых же случаях краткие выражения ранних редакций приобретают функцию обязатель-

ных элементов в окончательной редакции «Киево-Печерского патерика».

Однако следует отметить, что полный набор выделенных элементов описания ситуации и в Печатной редакции встречается не всегда. Некоторые из них опускаются, однако в совокупности выделенные речевые формулы и сюжетные мотивы образуют своеобразный канон описания этой ситуации в «Киево-Печерском патерике» (возможно, что и не только в нем).

Закрепленный за описанием прихода в монастырь особый арсенал речевых формул, по мнению редакторов «Патерика» XVII века, по-видимому, представлял собой своеобразную «копилку» наиболее удачных и точных с жанровой точки зрения «выражений» христианской агиографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.

[2] *Ольшевская Л.А.* Прелесть простоты и вымысла... // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 234.

[3] Сирах 1:15. Цитаты из Ветхого и Нового Завета приводятся по изданию: Библия. М.: Синодальная тип., 1762.

[4] *Шахматов А.А.* Несколько слов о Несторовом Житии преподобного Феодосия / СОРЯС. Т. 64. № 1. СПб., 1896.

[5] *Абрамович Д.И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. *Он же.* К вопросу об источниках Несторова Жития Феодосия Печерского / СОРЯС. Т. 3. Кн. 1. СПб., 1898.

[6] *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* Киево-Печерский патерик. Комментарии // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 386–424.

[7] Скитский патерик. М., 2001 (Текст напечатан по изданию: Скитский патерик. Сказания об изречениях и делах святых и блаженных отцов, избранные из Скитского патерика. М., 1875). Далее сокр. – СкП.

[8] *Палладий, епископ Еленопольский.* Лавсаик. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003. (Текст напечатан по изданию: Палладия, Епископа Еленопольского, Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцев. Пер. с греч. 2-е изд. СПб., 1854.) – Далее сокр. – Лавс.

[9] *Св. Афанасий Великий.* Житие преподобнаго отца нашего Антония, описанное святым Афанасием в послании к инокам, пребывающим в чужих странах / Св. Афанасий Великий. Сочинения. СПб., 1903. С. 178–250. – Далее сокр. – А.

[10] Палестинский патерик. Житие преподобного Саввы Освященного. Переиздание. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. (с издания: Сборник аскетических писаний, извлеченных из патериков обители св. Саввы Освященнаго, что близ Иерусалима. Епископа Феофана. Изд. 2-е Афонского Русского Пантелеймонова монастыр. М). – Далее сокр. – С.

[11] *Григорий Двоеслов.* Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души (Римский патерик). М.: Благовест, 1996 (С издания: Казань: Тип. губ. упр., 1858 г., ссылка на 2-е прибавл. к опис. слав. рук. Толст. II, № 478). Кн. 1–4. – Далее сокр. – Р.

[12] Киево-Печерский патерик. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1661. Далее цитаты даются с указанием на лист издания.

[13] Все рассмотренные жития принадлежат поздним редакциям Киево-Печерского патерика.

[14] Р. С. 12.

[15] Р.: «…от самого отрочества хранил чистоту сердца» (с. 66).

[16] Лавс.: О Евлогии и увечном. С. 95.

[17] Сирах 1:15.

[18] *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. С. 664.

[19] В более раннем тексте Арсеньевской редакции отсутствует фрагмент Лк. 8:21: «…слыша въ святомъ Евангелии Господа глаголюща: "аще кто не оставитъ отца и матерь, въ следъ Мене не идетъ, нестъ Мене достоенъ"; и пакы: "придете ко Мне вси труждающися и обремененни, Азъ вы покою. Возмете яремъ Мой на ся и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смир//енъ сердцемъ, – обрящете покой душамъ вашимъ". Си слышавъ богодухновенны Феодосий, и разжегъся божественою любовию, и дыша рвениемъ Божнимъ, мысляше, како или где пострищися, и утаися матери своея» (с. 146 – л. 23в–г; цит. по изданию: Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. Далее – Арс.).

[20] А. С. 180–181.

[21] А. С. 180.

[22] Мк. 10:21: «Иисус же воззрев нань, возлюби его, и рече ему, единаго еси не докончал: иди, елика имаши, продаждь, и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси: и прииди (и) ходи в след Мене, взем крест». Цитаты из Нового Завета приводятся по изданию: Библия. 4-е изд. М.: Синодальная тип., 1759.

[23] Лавс.: «Этот Евлогий… отрекся от шума мирского и, раздав все свое имение нищим, оставил себе малую часть денег, потому что не мог работать» (О Евлогии и увечном. С. 95).

[24] «Князь же, съ гневомъ возревъ на святаго, глагола ему: "ты ли еси пострыглъ болярина, и евнуха безъ повеления моего?" Преподобный Никонъ же мужественне отвеща: благодатию Божиею азъ постригох ихъ, по повелению Небеснаго Царя, Исус Христа, призвавшаго ихъ на таковый подвигъ. Князь же разъярися паче и рече: то или увещай ихъ в домъ свои // поити или на заточение послю тя и сущыхъ с тобою, и пещеру вашу раскопати повелю. Блаженный же Никонъ отвеща: все владыко, якоже есть угодно пред очима твоима, тако створи; мне же несть лепо отвратити воиновъ отъ Небеснаго Царя» (л. 127 – 127 об.). Выразительность этого текста такова, что в последнем, приводимом варианте редакции 1661 года он крайне мало отличается от первоначального (в тексте Арсеньевской редакции), в отличие от многих других (Арс. р., л. 32а–б.).

[25] Мотив украшения добродетелями богато представлен в византийской агиографии: он присутствует в «Скитском патерике» (с. 359), в «Житии св. Саввы Освященного» (с. 216), в «Римском патерике» (с. 43), в «Лавсаике» (11, 19, 177, 325).

[26] Осн. р.: «Егда скончаша ю пишущие, блаженный же Алимпей пострижен бысть при игумене Никоне» (л. 67 об.).

[27] «Некто от Кыева пострижен, именем Агапить, при блаженем отци нашем Антонии, иже последоваше житию его аггельскому, самовидец быв житию его. Якоже бо онъ, великый, покрываа свою святость, болныа исцеляше от своеа яди: мняся тем зелие врачевное подаваа, тии тако здравии бывахут молитвою его, – тако и сий блаженный Агапит, ревнуя святому старцю, помагаше болным» (л. 36 об.).

[28] Арс. р., л. 35а.

[29] Пс. 67:36: «Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев».

[30] Осн. р. Л. 40 об.

[31] Так же – в Арсеньевской (л. 108б) и 2-й Кассиановской редакциях (л. 142; текст 2-й Кассиановской редакция приводится по публикации списка РГБ Ф. 256, № 305, кон. XV – нач. XVI в., в издании: Патерик Киевского Печерского монастыря. Издание Императорской Археографической комиссии. СПб., 1911. Далее – 2-я Касс. р.).

[32] Осн. р.: л. 19 об.

[33] Еф. 6:14–17: «[14]Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся в броня правды, [15]И обувше нозе во уготование благовествования мира: [16]Над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити: [17]И шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий».

[34] 2 Тим. 2:4: «Никтоже бо воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет».

[35] В «Лавсаике» о св. Элпидии – «Надежном» – говорится, что он «действительно услаждался надеждою» (с. 278).

[36] Р.: «В городе Сполетто одна девица, дочь какого-то благородного вельможи, возымела желание посвятить себя равноангельской жизни» (с. 175).

[37] «…откры преподобному Антонию помышление свое, глаголя: хотел бых, отче, аще Богу угодно, инок быти и жити с вами…» (л. 132, Варлаам).

[38] «…аще с животом изыду от руки жены сея, никакоже иныя жены взыщу, но черноризец, (Богу изволившу) буду. (…) Блаженный же со дерзновением отвеща ей: не убоюся зла никоегоже, яко Господь со мною есть, Емуже отселе (по изволению Его) в иноческом житии работати желаю» (л. 191, 192).

[39] Арс. ред.: с. 148 – л. 28в–г, о матери прп. Феодосия; с. 149 – л. 29г–30а, о прп. Варлааме.

[40] «По смерти же святаго, прииде Арменин в монастырь Печерский, и глагола игумену: отселе уже оставляю Арменскую ересь, и истинно верую в Господа Иисуса Христа, Емуже работати желаю в иноческом святом чину» (л. 172).

[41] «…не убоюся зла никоегоже, яко Господь со мною есть, Емуже отселе (по изволению Его) в иноческом житии работати желаю» (л. 191, 192).

[42] «…подобает ти пострищися в иноческий образ, и работати Господеви, и Его Пречистой Матери в монастыре сем…» (л. 248).

[43] «Отвеща ему старец: благо хотение твое, чадо, и помысл исполнь благодати, но блюди, да не богатство и слава мира сего возвратит тя вспять. Никтоже бо (по Господню глаголу) взложь руку свою на рало, и зря

воспять, управлен есть в Царствие Божие. Многа же и ина бесседова старец на пол(ь)зу блаженнаго...» (л. 132 – 132 об.).

[14] Ср.: «Блюди, брате, какова обетования даеши Владыце Христу. Ангели бо предстоят невидимо, написующе исповедание твое сие» (Последование малого образа // Требник иноческий. М.: Печатный двор, 1639. Л. 9).

[15] СкП. С. 261.

[16] Лавс. С. 207.

[17] Л. С. 189.

[18] Арс. р. Л. 25а.

[19] С. С. 179–180.

[50] Прп. Исайю постригает прп. Феодосий, «прозря же духом... хотяща его трудолюбна быти делателя в подвижном житии...» (л. 139 об.); просьбу прп. Исаакия о пострижении исполняет прп. Антоний, «прозря, яко добродетел(ь)ное в нем житие имат(ь) быти равноангел(ь)но, и всячески достойно ангел(ь)скаго образа» (л. 149).

[51] В рассказе о прп. Исаакии в Осн., Арс. и 2-й Касс. редакциях нет этого фрагмента; повествования о прп. Исайи нет в ранних редакциях Патерика.

[52] В Основной, Арсеньевской и 2-й Кассиановской редакциях этого фрагмента нет.

[53] 2-я Касс. р. Л. 199 – 199 об.

[54] В Основной, Арсеньевской и 2-й Кассиановской редакциях последнего фрагмента нет, а также нет первых двух житий.

[55] Осн. р. Л. 77.

[56] Арс. р. Л. 28г–29а.

[57] Следует отметить присутствующий здесь образ агнца, соотносимый с постоянно подчеркиваемой в «Житии прп. Феодосия» добродетелью кротости (л. 49 об.).

[58] «В тыя же дни прииде от Смоленска в Печерский монастырь сей блаженный Прохоръ, къ игумену Иоанну, и от него восприять святый иноческий образъ» (л. 200).

[59] Осн. р. Л. 72 – 72 об.

[60] Осн. р. Л. 52 – прп. Прохор, л. 77 – прп. Исаакий; Арс. р. Л. 31а–б – прп. Варлаам, л. 31в – прп. Ефрем.

[61] Арс. р. Л. 25б, 31б, 31в.

[62] С.: «Принимая к себе мирских людей, желавших отрешиться от мира, он не позволял им жить ни в Лавре, ни в Кастеллии. Для них он основал небольшую киновию с северной стороны Лавры и, поставив в ней степенных и благоразумных мужей, приказывал отрекающимся от мира жить там, пока не изучат Псалтирь и правило псалмопения и не научатся строгости монашеской жизни. Он всегда говорил, что монах, живущий в келлии, должен быть рассудителен, старателен, готов ко всяким подвигам, трезв, воздержан, скромен, способен других научать, сам же не должен иметь нужды в научении, способен обуздывать все телесные проявления и ум свой охранять от злых помыслов. ... После испытания, когда он узнавал, что отрекающиеся от мира твердо изучили правило псалмопения и стали способны бдеть над своим умом, очищая свои мысли от воспоминания о мирских вещах, и сражаться против чуждых помыслов, он давал им келлии в Лавре» (с. 198).

[63] Осн. р.: «И бысть мних» (л. 59 об.).